УДК 902.1 (571.1)
ББК 63.444(2)

Дата поступления статьи: 27.10.2022
Дата принятия статьи: 13.02.2023

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Наталья Петровна Матвеева
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Аннотация. После длительного преобладания эволюционного подхода со стадиальными штудиями в отечественной науке в конце XX в. начало развиваться исследование роли миграций как части палеоэкологического и диффузионистского подходов к объяснениям смены археологических культур. В IV – начале IX вв. н.э. в западной части Западной Сибири по археологическим данным прослежено несколько разнонаправленных миграционных волн. В IV–VI вв. отмечены как широтная миграция групп с желобчато-валиковой керамикой из енисейской тайги, так и передвижение сначала части карымского населения, а позднее и зеленогорского, из зоны нижнеобской историко-культурной области на юг, что документировано синкретичными могильниками и примесью таежной керамики к материалам поселений лесостепи. Вместе с тем, в лесостепь из степной зоны проникали мелкие группы кочевников и торговцев из Приаралья, что привело к модернизации локальной культуры, развитию в обществах престижного потребления и отразилось в новациях строительства, погребальных церемоний и инвентаре. Расовый состав лесостепного и подтаежного населения демонстрирует преемственность с кулайским монголоидным населением лесной зоны Западной Сибири и постепенное растворение европеоидного компонента, унаследованного от саргатской культуры. Новые волны широтных миграций в VII – начале IX вв. были вызваны давлением разных групп тюрков с востока и юга, о чем говорят изменения культуры. Ориентировка погребений сменяется на западную, заупокойная пища устанавливается вне могил на околомогильном пространстве, появляется правило помещать оружие в комплексах, зафиксированы синкретичные бакальско-потчевашские памятники так называемого «перейминского типа» на склонах Восточного Урала. Отдельные группы бакальского населения перемещаются в Сылвенскую лесостепь и на Волгу. Недостаточность антропологического материала пока не позволяет судить о масштабах и интенсивности взаимодействий кочевников и насельников лесостепи, однако исчезновение бакальской культуры в начале IX в. дает основание предполагать их агрессивный характер.

Ключевые слова: миграции, Западная Сибирь, раннее средневековье

Цитирование. Матвеева Н.П., 2023. Миграционные процессы в западной части Западной Сибири в раннем средневековье // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 150–158. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.012

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-Тюменская область № 720001 «Роль миграций в историко-культурной картине юга Западной Сибири в эпоху Средневековья».

UDC 902.1 (571.1)
LBC 63.444(2)

Submitted: 27.10.2022
Accepted: 13.02.2023

MIGRATIONS IN THE WESTERN SIBERIA IN EARLY MEDIEVAL PERIOD

Natalia P. Matveeva
Tyumen State University, Tyumen, Russia
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Abstract. The Bakalskaya culture developed on the basis of the aboriginal Sargatka culture with the influence of taiga migrants in the western part of Western Siberia, in the Tobol and Ishim valleys. This culture was formed in the 4–9th centuries AD under the influence of the Great Migration epoch processes. The area and specific features of the culture were conditioned by the influence of economic and political ties with the southern and northern regions. Migrants from the taiga belong to other groups of the Karym, Zelenaya Gorka and Relka cultural formations. In the new environmental conditions, they borrowed cattle-breeding, but preferred fishing and hunting. The intensification of interaction with the southern neighbors occurred due to the aridization of the steppe and the intensification of trade, which included the forest-steppe into the nomad economic zone. The aboriginal population adopted prestige items, military culture and nomad life habits. As a result, the population of the Bakalskaya culture has moved to a more mobile lifestyle. Part of the population moved to the Western Urals in the basins of Ufa and Yuryuzan in the 6th–8th centuries. Later, mixed groups of Bakalskaya and Potchevash culture left the sites of the Pereiminsky type and moved to the Miass river towards the Southern Urals. We assume that the Bakalskaya culture disappeared at the beginning of the 9th century AD due to the struggle between the Pechenegs and Oguzes of the Tobol basin and the pressing of the Kipchaks from the east. The Pechenegs

were defeated and passed to the north. It is possible that groups of the Bakalskaya culture participated in the Magyar ethnogenesis together with other groups and formed the Karayakupovo culture society. Of course, the real picture was more complicated. Changes in the boundaries of communities and their diffusion are obvious, however the reconstruction of such small movements requires microchronological and anthropological studies.

Keywords: Western Siberia Bakalskaya and Potchevash cultures migrations

Citation. Matveeva N.P., 2023. Migrations in the Western Siberia in Early Medieval Period. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 23, no. 1, pp. 150–158. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.012

Acknowledgements. The study is sponsored by the Russian Foundation for Basic Research – Tyumen Region No. 720001 Role of Migrations in Historical & Cultural Worldview of South of Western Siberia during Middle Ages.

Введение

После длительного преобладания в историографии работ эволюционного направления, в 1970–80-е годы В.Ф. Генинг, Е.А. Халикова, Н.А. Мажитов и другие исследователи начали усматривать проявления миграционных процессов в западносибирской среде средневековья, протекавших под влиянием Великого переселения народов [Генинг, 1972; Матвеева Г.И., 1968; Халикова, 1976; Мажитов, 1977; Могильников, 1987]. Однако реальных доказательств в исследованных памятниках в тот период было недостаточно. Демографические отклики, в том числе миграционные, на существенные изменения климата постулировал М.Ф. Косарев [Косарев, 1991], также предвосхитив обстоятельные штудии по реконструкции природной среды региона. Обе точки зрения нашли последователей в позднейших исследованиях, авторы которых детализировали условия и факторы изменений на примере конкретных археологических культур. Попытки реконструировать региональную динамику культурных и природных процессов и дать ее интерпретации появились в исследованиях 2000-х гг. [Коников, 2007; Матвеева Г.И., 2007; Данченко, 2008; Маслюженко, 2008; Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009; Рябогина, Иванов, 2013; Матвеева, 2016]. Вместе с тем возникли дискуссии об оценке новаций, появилась тенденция все значимые изменения связывать с укоренением культуры мигрантов на новой почве, тем самым обнаружилась недооценка иерархии в социуме, признаков сложения вождеских, воинских субкультур, стабильности расового состава популяций, ускорения заимствований за счет включения отдаленных народов в систему торговли на дальние расстояния. Так что выявление и объяснение миграций разных масштабов и разных видов все еще весьма актуально.

Основная часть

На сегодня в таежной зоне в относительно однородной культурной среде нижнеобской историко-культурной области установлена широтная миграция носителей желобчато-валиковой керамики (рис. 1), этой оригинальной и не имеющей корней в западносибирском регионе традиции, свойственной тунгусоязычным группам енисейской тайги. Данное явление впервые было подмечено Л.А. Чиндиной и позднее принято другими специалистами [Чиндина, 1977; Зыков, 2012; Борзунов, Чемякин, 2015]. Новации отразились в карымских и потчевашских памятниках Тобо-ло-Иртышья и Барабы. Эта инвазия привела в IV–V вв. н.э. к переселению групп карымского, а в VI в. – зеленогорского населения в долины Тобола, Тары и Иртыша, вплоть до озер Ишимской степи.

Появление мигрантов на севере лесостепи и в подтаежной зоне маркируется поселениями и городищами только с фигурно-штамповой керамикой, а также грунтовыми могильниками с сочетанием кремации и ингумации, либо с малыми линейно расположенными курганами. Об интеграционных процессах свидетельствует установка керамики разных традиций (бакальской и карымской) в одних и тех же погребениях. В антропологическом составе захороненных в лесостепных могильниках преобладает монголоидность с небольшой долей европеоидности, восходящей к населению саргатской культуры [Западная Сибирь…, 2022. С. 197]. Мигранты частично заимствовали скотоводство, предметы вооружения и быта от своих южных соседей. Проживая среди бакальского населения, поселенцы, судя по привозному инвентарю в погребениях, сочетали занятия промыслами с посредничеством в пушной торговле [Западная Сибирь…, 2022. С. 103].

После V в. в Притоболье однослойных карымских памятников мы не имеем. Здесь возобладала местная традиция, развивавшаяся в условиях аридизации и остепнения. Имело место смещение ландшафтных зон к северу на 100–150 км, а с VII в. началось увлажнение и формирование лесных сообществ, что на серии памятников продемонстрировано палинологами [Рябогина, Иванов, 2013]. В Притоболье и Приишимье была распространена бакальская культура, возникшая на саргатской основе, – с курганным обрядом в виде цепочек мелких насыпей и ориентировкой умерших на север. В ней фиксируются заимствования от поздних сарматов в составе инвентарных наборов, вероятно, от праболгар и гуннов, например, кольцевая деформация черепа сарматского типа [Золотарева, 1957. С. 250; Багашев, 2000. С. 214], кострища без остатков скелетов под небольшими курганчиками

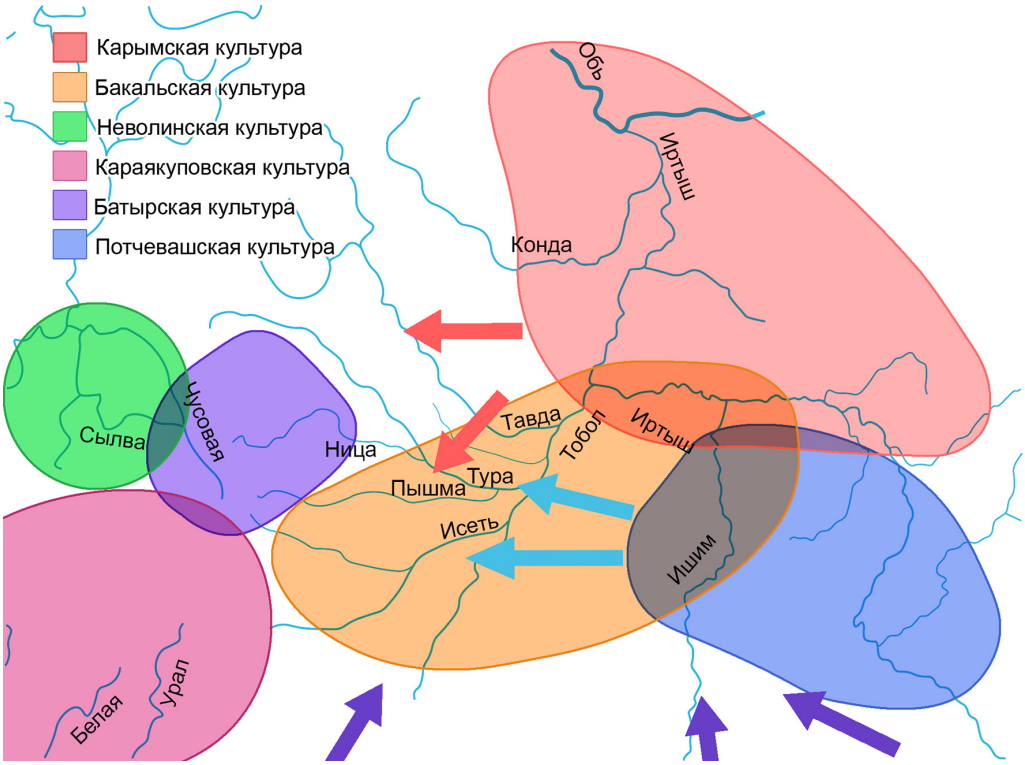

Рис. 1. Схема культурных ареалов раннего Средневековья в западной части Западной Сибири

Fig. 1. Graph of Cultural Areas of Early Middle Ages in Western Part of Western Siberia

[Засецкая, 1994. С. 13]. Интересны захоронения с конем, в том числе устройство кургана для одного лишь коня (рис. 4). Лошадь помещена не в одной могиле с всадником, а над нею. С аварскими могильниками с территории Венгрии рассматриваемые захоронения объединяет расположение могил рядами и северо-западная ориентировка [Эрдели, 1986. С. 324, 326]. Аналогии с раннеболгарскими погребениями, судя по памятникам новинковского типа, мы видим в наличии черепов лошади в насыпях, расположении могил рядами, пеленании покойников, размещении коней над могилой на ступеньке или в выше, чем ингумация человека, устроенной яме [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 50; 53]. Даже установка двух параллельно расположенных на дне ямы гробов находит аналогию в Новинках [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 61]. Реализованный в могильнике Устюг-1 способ размещения коня около человека – в яме у торцевой стенки могилы человека, так что длинные оси их захоронений перпендикулярны друг другу, встречен в Нетайловском и Красногоровском могильниках, относимых к болгарским некрополям [Аксенов, 1995. С. 11]. Новыми для погребальной практики раннего средневековья Западной Сибири являются вторичные захоронения, пеленание покойных в ковры и циновки, поминальные комплексы со шкурой лошади. Однако притока чужеродного населения с юга на антропологическом материале пока не зафиксировано.

В раннем средневековье сохранилась саргатская система расселения вокруг небольших крепостей как центров эксплуатации территории, при значительно возросшей мощности оборонительных линий (рис. 3). Интенсификация взаимодействия с южными соседями произошла вследствие остепнения, включившего лесостепь в зону хозяйственных интересов номадов, а также развития торговли. Местное население в результате заимствовало не только предметы престижа и воинской культуры, но и элементы кочевого быта, переходя на более подвижный образ жизни.

На вторжение номадов на Средний Тобол в VII–VIII вв. указывает изменение в обряде могильников Хрипуновский и Усть-Суерка-1: вместо

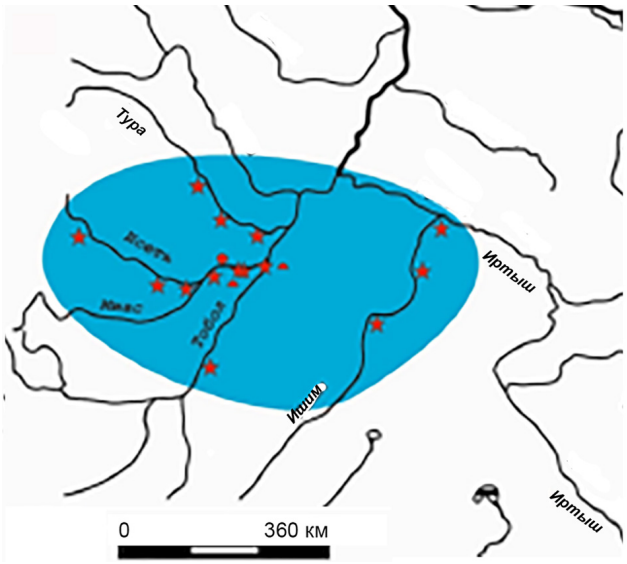

Рис. 2. Ареал бакальской культуры с указанием расположения бакальских городищ

Fig. 2. Area of Bakalskaya Culture with Hillforts of Bakalskaya Culture Indicated

устройства ям в материке покойных располагали на древнем горизонте или впускных могилах, с юго-западной ориентировкой умерших, появилось оружие в инвентаре. Смену хозяйственно-культурного типа на полукочевой и полуоседлый (без явного экологического толчка) документируют кратковременность обитания на бакальских городищах и селищах, разборные жилища типа юрт, наземные срубные дома малой площади с печами-чувалами и подпольями (рис. 3). Источник этих заимствований пока не ясен.

Широтную миграцию из лесного Прииртышья на склоны Урала в VII–VIII вв. показывают перейминские (смешанные бакальско-потчевашские) комплексы могильников Перейминский и Воденниково-1, сочетавших курганный и грунтовый обряды погребения. Новации прослеживаются в использовании гробов, ориентировке умерших головой на запад, установке сосудов вне могил, синкретичных формах и узорах посуды (рис. 5), как это зафиксировано в новых раскопках на р. Миасс [Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021]. Небольшая часть бакальских групп (поскольку погребений и поселений пока не выявлено, имеется лишь примесь бакальской керамики в средневековых слоях) была вытеснена пришельцами и в этот период проникла западнее Урала: в Месягутовскую лесостепь, на р. Уфа и даже на Волгу [Овсянников, 2020. С. 154, 155; Сташенков, 2020].

Кушнаренковскую керамику, встреченную в виде малочисленной примеси в памятниках разных культур, следует рассматривать как тип артефактов,[1] а именно как престижные изделия, отмечая их распространение от Волги и Камы до Иртыша [Матвеева, 2019; 2021]. Эта технология имеет приаральское происхождение, так как часть сосудов

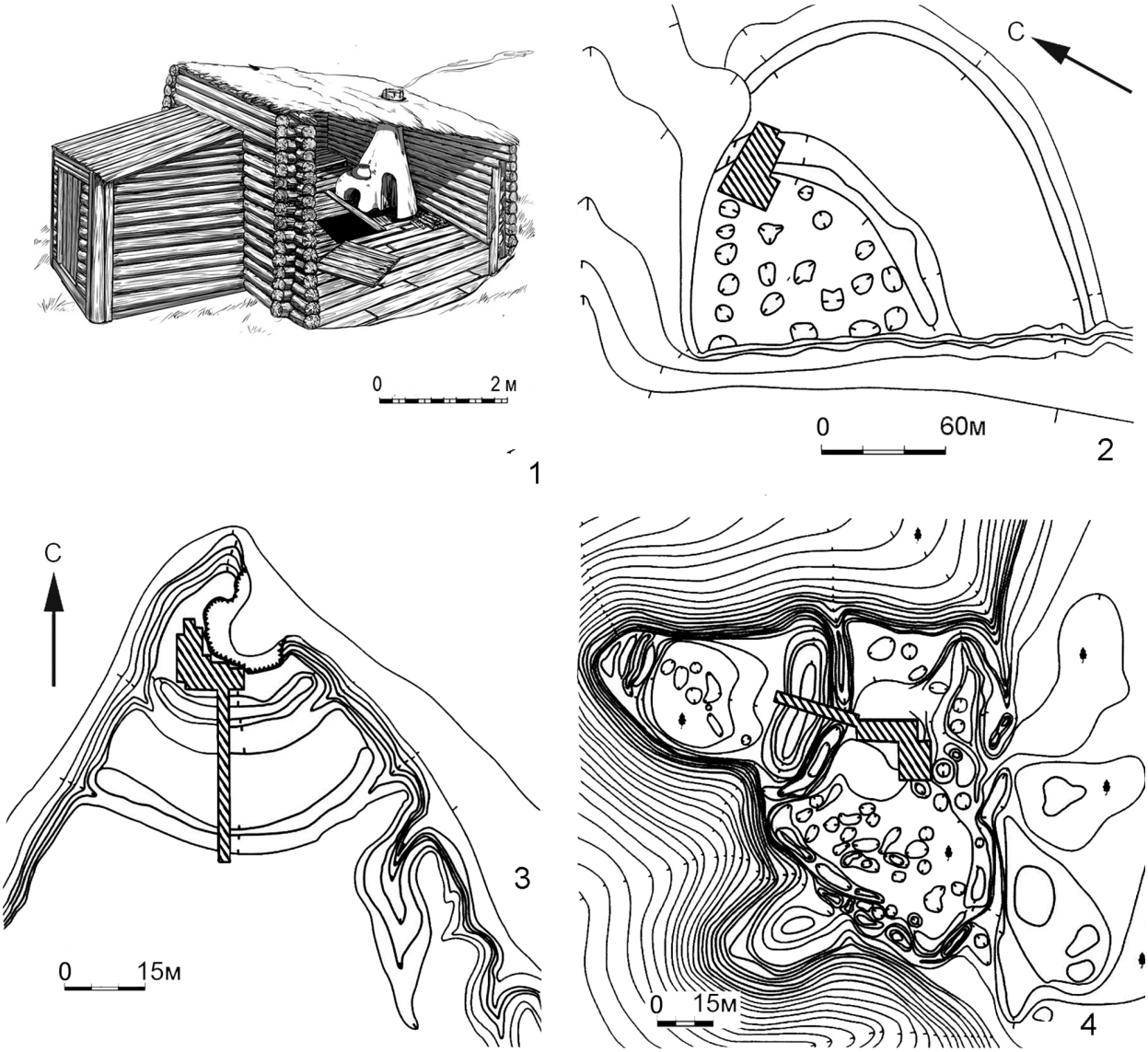

Рис. 3. Планы укрепленных поселений (*2* – Борки-1; *3* – Большое Бакальское; *4* – Усть-Терсюк-1) и реконструкция бакальского жилища (*1*)

Fig. 3. Layouts of Fortified Settlements (*2* – Borki-1; *3* – Bolshoe Bakalaskoe; *4* – Ust-Tersyuk-1) and Reconstruction Houses of Bakalskaya Culture (*1*)

[1] Аргументы нами рассмотрены в отдельной статье [Матвеева, 2021].

этого типа, судя по работе с западносибирскими коллекциями, проделанной А.С. Зеленковым, является импортами, а часть – сосудами-подражаниями джетыасарским [Зеленков, 2019]. Чужеродность кушнаренковского гончарства для Поволжья и Прикамья и сходство его приемов со среднеазиатским ранее уже аргументировала И.Н. Васильева [Васильева, 1993]. Довольно значительное поступление продуктов в специальной таре наряду с другими товарами, представленными, к сожалению, в основном в случайных находках (монеты, металлические сосуды) свидетельствует об активной торговле аборигенов Тоболо-Ишимья с населением Приуралья и Сырдарьи в течение IV–VII вв. В коллекциях памятников более позднего периода данный тип не встречается.

Исчезновение бакальской культуры в начале IX в. пока трудно объяснить. Возможно, оно связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приаралья в VIII–IX вв. и продвижением первых, как потерпевших поражение, по Тоболу на север, в ареал бакальского населения, а также с нажимом кыпчаков с востока. Предположительно, группы, оставившие эти территории участвовали в этногенезе мадьяр в числе прочих, сформировавших караякуповское сообщество где-то в степи, судя по мнению антропологов, поскольку в лесостепи преобладали таежные монголоиды [Западная Сибирь…, 2022. С. 197].

В долине Иртыша взаимодействие пришлого карымского суперстрата и потомков богочановской и позднекулайской культур при преобладании первого [Данченко, 2008] привело к сложению в VI–VIII вв. потчевашской культуры. Она развивалась в лесных ландшафтах и сохранила высокую долю присваивающих отраслей в экономике. От карымской потчевашская культура унаследовала фигурно-штамповый декор гончарных изделий, биритуализм в погребальном обряде, а адаптацией к условиям лесостепи явились увеличение доли

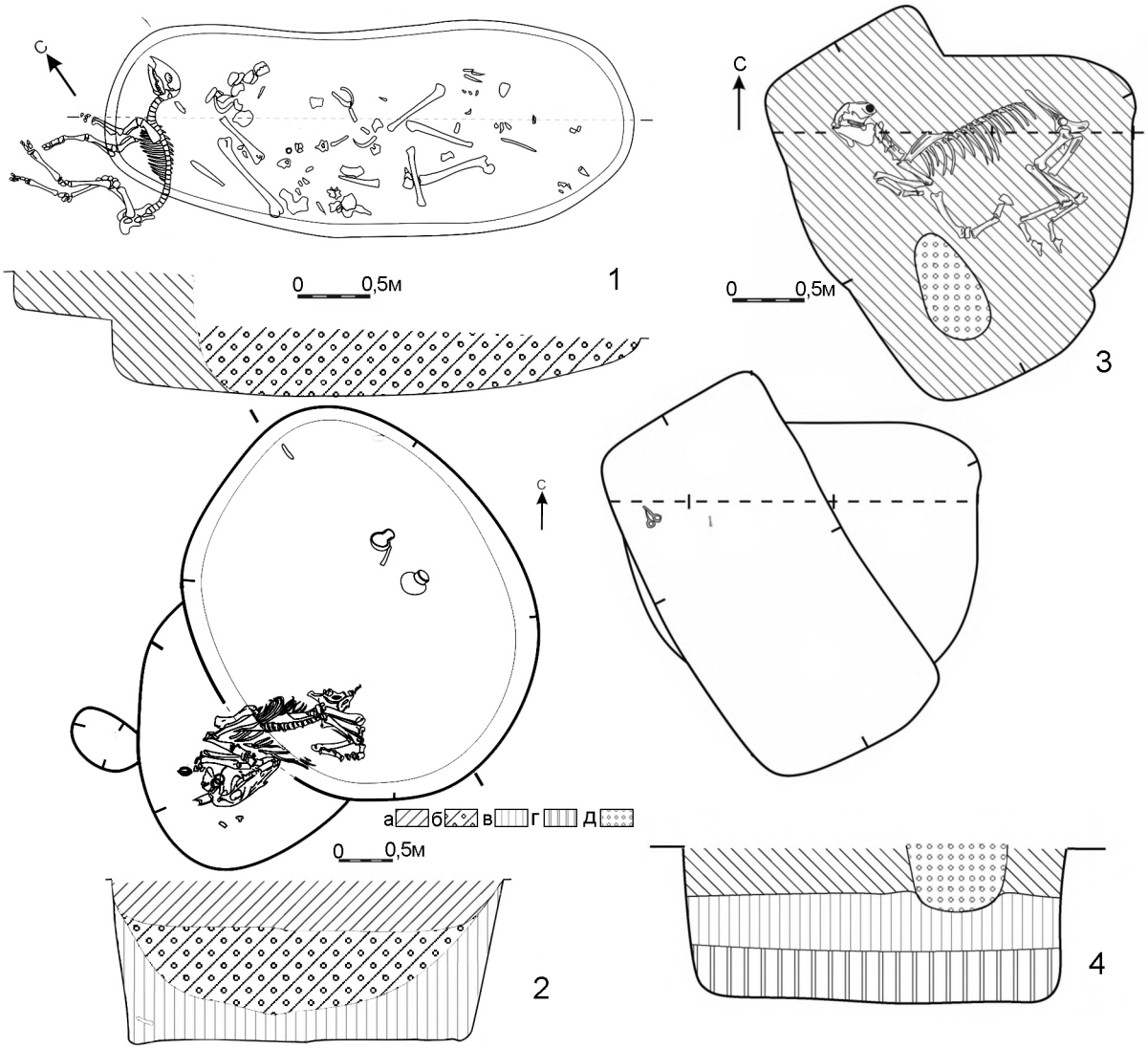

Рис. 4. Захоронения с конем в могильнике Устюг-1 бакальской культуры
(*1* – к. 26; *2* – к. 34; *3, 4* – к. 36)

Fig. 4 Burials with a Horse in Ustyug-1 Burial Ground of of Bakalskaya Culture
(*1* – Burial Mound 26; *2* – Burial Mound 34; *3, 4* – Burial Mound 36)

скотоводства в хозяйстве, активизация торговли с кочевниками, о чем говорят распространение геральдических поясов, а также отдельные находки потчевашской керамики в казахстанской степи [Арсланова, 1983. Рис. 1; Смагулов, 2006. С. 91]. Смешение тюрков с местным населением отразилось в обрядах могильников VIII в. восточной части потчевашского ареала [Молодин и др., 1988]. В составе популяций доминирует монголоидный кулайский субстрат с более поздней примесью южно-сибирских элементов (кимако-кыпчакских) [Западная Сибирь…, 2022. С. 196]. Поэтому можно предполагать, что насельники Прииртышья и Барабы со второй половины VI в. стали реципиентами влияния Первого и Второго Тюркских каганатов, а позднее – сепаратистских групп кимаков и кыпчаков.

Заключение

Нарисованная схематическая картина развития этнокультурных образований со значительным политико-экономическим влиянием мигрантов, конечно, не является полной. В северо-западной части Притоболья (на реках восточного склона Среднего Урала) на специфической основе южно-таежной кашинской культуры с притоком северных и западных мигрантов формируется еще малоизученная батырская (петрогромско-батырская) культура V–VIII вв. с курганными и грунтовыми погребениями и гребенчато-шнуровой орнаментацией посуды. Имели место просачивание на чуждую территорию инокультурных групп и подвижка границ между разноэтничным населением. Например, долина Ишима заселялась попеременно бакальским и потчевашским населением,

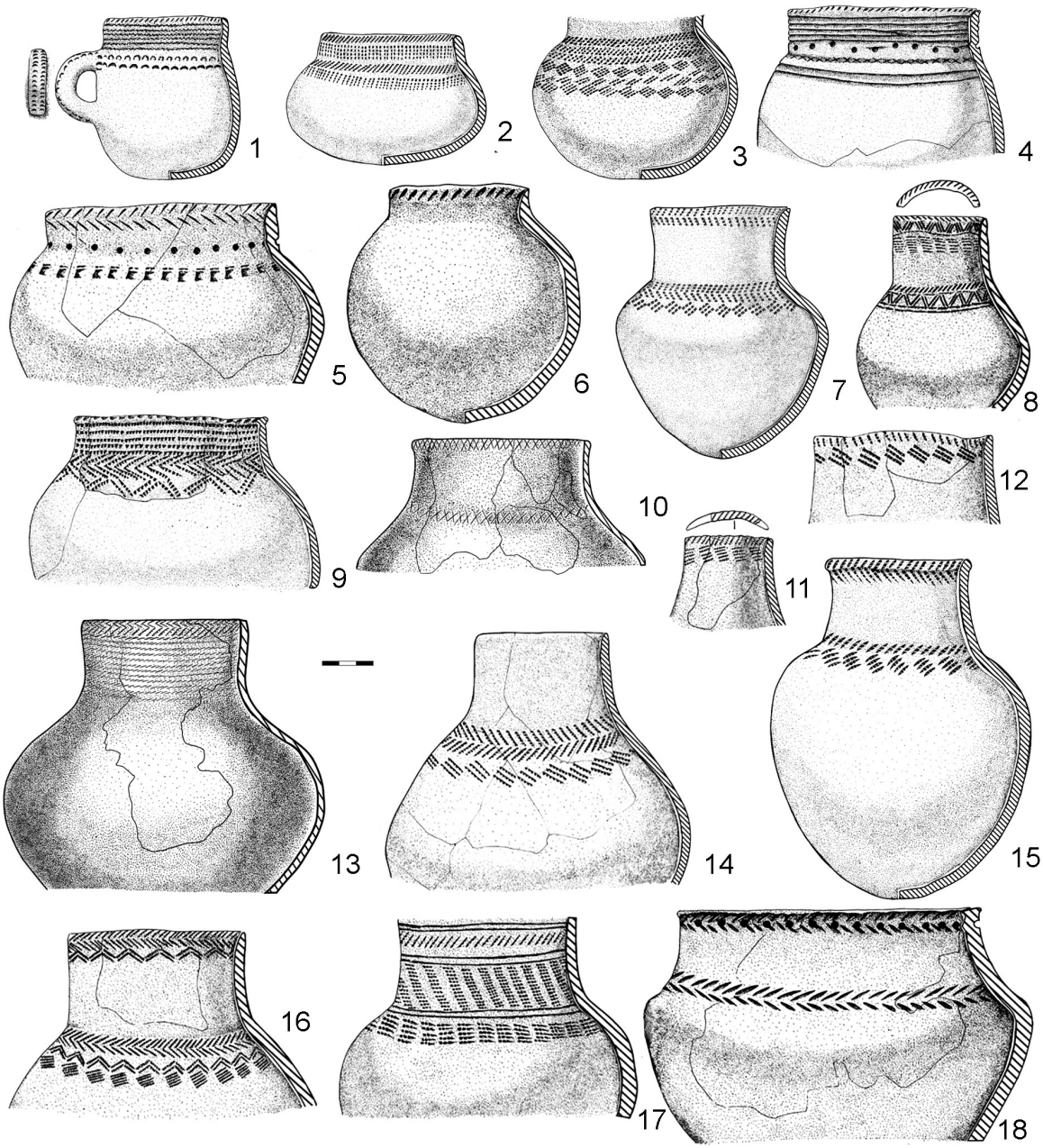

Рис. 5. Синкретичная перейминского типа керамика (бакальско-потчевашская) из могильника Воденниково-1
Fig. 5. Syncretic Pereimeno-Type (Bakalskaya & Potchevash) Ceramics from Vodennikovo-1 Burial Ground

в долину Тобола потчевашские группы сначала проникали эпизодически (комплекс Коловского городища), затем более решительно. Однако, недостаток могильников и микро-хронологических исследований по материалам поселений затрудняют раскрытие этого рода взаимодействий. Темой работ ближайшего будущего должно стать выявление зауральско-приуральских контактов и переселений на конкретном материале комплексно изученных памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Захоронения с конем у населения северо-западной части Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногоровского могильников) // Культуры степей Евразии второй половины 1 тысячелетия н.э.: Тезисы докладов Междунар. науч. археологической конф. 14–17 ноября 1995 г. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. С. 10–12.

Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–IX вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТомГУ, 1983. С. 105–117.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. 22 век, 1998. 286 с.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2015. № 1 (28). С. 56–66.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 246 с.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. статей советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Зеленков А.С. О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего средневековья. // Ab origine. Вып. 11 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ. 2019. С. 24–44.

Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 24–44. (МИА. № 58)

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ОмГПУ, Наука, 2007. 466 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: КурГУ, 2008. 168 с.

Матвеева Г.И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 113–131.

Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 75–86.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: ТюмГУ. 2016. 264 с.

Матвеева Н.П. Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр // Ab origine. Вып. 11 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2019. С. 44–60.

Матвеева Н.П. К вопросу о контактах урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье (по материалам керамических коллекций) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49. № 1. 2021. С. 83–92.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // Российская археология. 2009. № 1. С. 140–151.

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 91–99. DOI: https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР)

Молодин В.А, Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловь-

ев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Овсянников В.В. Памятники бакальской культуры на северо-востоке Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII междунар. науч. конф. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2020. С. 148–155.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье (по результатам спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы могильника Устюг-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 1 (20). С. 134–138.

Смагулов Т.Н. Памятники потчевашского типа в Казахстанском Прииртышье // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2006. Вып.1 (252). С. 85–91.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. № 2. С. 158–178.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: ТомГУ, 1977. 193 с.

Эрдели И. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. Т. 2 / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. С. 310–346.

REFERENCES

Aksenov, V.S. 1995, “Burials with a Horse among the Population of the North-Western Part of Khazaria (based on the Materials of the Netaylovsky and Krasnogorovsky Burial Grounds)”, *Kultury Stepey Evrazii Vtoroy Poloviny 1 Tysyacheletiya n.e.: Tezisy Dokladov Mezhdunarodnoy Nauchnoy Arkheologicheskoy Konferentsii 14–17 Noyabrya 1995 g*. (“Cultures of Steppes of Eurasia in the Second Half of the 1st Millennium AD: Abstracts of Reports of the International Scientific Archaeological Conference. November 14–17, 1995”), SOIKM named after P.V. Alabin, Samara, pp. 10–12. (In Russ.)

Arslanova, F.H. 1983, “On Relations of the Tribes of the Pavlodar Irtysh Region with the Population of Western Siberia (VII–IX Centuries)”, *Etnokulturnye Protsessy v Zapadnoy Sibiri* (“Ethnocultural Processes in Western Siberia”), TSU, Tomsk, pp. 105–117. (In Russ.)

Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998, *Prabolgary on the Middle Volga (at the Origins of the History of the Volga-Kama Tatars)*. Noon, 22nd century, Samara, 286 p. (In Russ.)

Bagashev, A.N. 2000, *Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe in the Early Iron Age*. Nauka, Novosibirsk, 374 p. (In Russ.)

Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. 2015, “The Karym pottery from the taiga Low Ob’ basin”, *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 1 (28), pp. 56–66. (In Russ.)

Vasilyeva, I.N. 1993, *Pottery of Volga Bulgaria in the X–XIV centuries*. Nauka, Ekaterinburg, 246 p. (In Russ.)

Gening, V.F. 1972, “Southern Cis-Urals in the 3–7 centuries AD (The problem of ethnos and its origin)”, Problemy archeologii i drevney istorii ugrov. Sbornik statey Sovetskih i Vengerskih Archeologov (“Problems of archeology and ancient history of Ugrians. A collection of papers written by Soviet and Hungarian archaeologists”), Nauka, Moscow, pp. 221–295. (In Russ.)

Danchenko, E.M. 2008, “Characterizing Historical and Cultural Situation in the Middle Irtysh Region at the Turn of the Early Iron Age and the Middle Ages*”, Problemy Bakalskoy Kultury: Materialy Nauchno-Prakticheskogo Seminara po Problemam Bakalskoy Kultury* (“Problems of Bakal Culture: Materials of Scientific and Practical Seminar on the Problems of Bakal Culture”), Rifey, Chelyabinsk, pp. 45–60. (In Russ.)

Zasetskaya, I.P. 1994, *Culture of Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Era (Late IV–V Centuries)*. Ellipse Ltd, St. Petersburg, 224 p. (In Russ.)

Zelenkov, A.S. 2019, “On the pseudo-Kushnarenkovo pottery status in the context of the early medieval archaeology of Western Siberia”, *Ab origine*, iss. 11, pp. 24–44. (In Russ.)

Zolotareva, I.M. 1957, “Skulls from the Pereyminsky and Kozlovsky Burial Grounds (Middle Ob)”, *Kultura Drevnikh Plemen Priuralya i Zapadnoy Sibiri* (“Culture of Ancient Tribes of the Urals and Western Siberia”), Izd-vo AN SSSR, Moscow, pp. 24–44. (MIA. No. 58). (In Russ.)

Zykov, A.P. 2012, *Barsova Gora: Essays on the Archeology of the Surgut Ob Region. The Middle Ages and Modern Times*. Ural Worker, Ekaterinburg, 232 p. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Zykov, A.P., Zelenkov, A.S., Tretyakov, E.A., Bagashev, A.N., Poshekhonova, O.E., Slepchenko, S.M., Alekseeva, E.A., Klima, L., Kuleshov, V.S., 2022, *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethno-Cultural Communities*. TumGU, Tyumen, 260 p. (In Russ.)

Konikov, B.A. 2007, *Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages*. OmGPU, Nauka, Omsk, 466 p. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1991, *Ancient History of Western Siberia: Man and Natural Environment*. Nauka, Moscow, 302 p. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1977, *The Southern Urals in the 7th – 14th centuries.* Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)

Maslyuzhenko, D.N. 2008, *Ethnopolitical history of the forest-steppe Priobol’e in the Middle Ages*. KurGU, Kurgan, 168 p. (In Russ.)

Matveeva, G.I. 1968, “Monuments of the First Millennium of the New Era of the Left Bank of the

Belaya River", *Arkheologiya i Etnografiya Bashkirii* ("Archeology and Ethnography of Bashkiria"), vol. III, BFAN USSR, Ufa, pp. 113–131. (In Russ.)

Matveeva, G.I. 2007, "On the cultural and chronological correlation of the sites of Kushnarenkovo and Kara-yakupovo types", *Srednevekovaya arheologiya evrazijskih stepej. Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa* ("Medieval archeology of the Eurasian steppes. Materials of the Constituent meeting of the International Congress"), vol. 2, II AN RT, Kazan, pp. 75–86. (In Russ.)

Matveeva, N.P. 2016, *Western Siberia in the Era of the Great Migration of Peoples (Problems of Cultural Genesis according to Funerary Monuments)*. TumGU, Tyumen, 264 p. (In Russ.)

Matveeva, N.P. 2019, "Some issues of studying the medieval archaeology of the Cis-Ural and Trans-Ural forest-steppe zones in the context of Magyar genesis", *Ab origine*, iss. 11, pp. 44–60. (In Russ.)

Matveeva, N.P. 2021, "On Early Medieval Contacts of the Urals and Western Siberia with Central Asia: The Evidence of Ceramics", *Archeology, Ethnography & anthropology of Eurasia*, vol. 49, no. 1, pp. 83–92. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Orlova, L.A., Rafikova, T.N. 2009, "New data on radiocarbon chronology of the Trans-Urals of the medieval era", *Russian Archaeology*, no. 1, pp. 140–151. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Tretyakov, E.A., Zelenkov, A.S. 2021, "Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery", *Archeology, Ethnography & anthropology of Eurasia,* vol. 49, no. 4, pp. 91–99. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099

Mogilnikov, V.A. 1987, "Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia", *Arheologiya SSSR. Finno-Ugry i Balty v Epokhu Srednevekovya* ("Archeology of the USSR. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages"), Nauka, Moscow, pp. 163–235. (In Russ.)

Molodin, V.A., Savinov, D.G., Elagin, V.S., Sobolev, V.I., Polosmak, N.V., Sidorov, E.A., Soloviev, A.I., Borodovsky, A.P., Novikov, A.V., Kim, A.R., Chikisheva, T.A., Belanov, P.I. 1988, *Baraba in the Turkic Time*. Nauka, Novosibirsk, 176 p. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V. 2020, "Monuments of Bakal culture in the north-east of Bashkiria", *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale: Velikoe pereselenie narodov: dialog kul'tur. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* ("Ethnic interactions in the Southern Urals: The Great Migration of Peoples: a Dialogue of Cultures. Materials of the VIII International Scientific Conference"), Gosudarstvennyj istoricheskij muzej Yuzhnogo Urala, Chelyabinsk, pp. 148–155. (In Russ.)

Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. 2013, "Reconstruction of landscapes' look in the Low Tobol basin in the early Middle Ages (by results of spore-and-pollen analysis of buried soil from Ustyug-1 burial ground)", *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, iss. 1 (20), pp. 134–138. (In Russ.)

Smagulov, T.N. 2006, "Monuments of the Potchevash Type in the Kazakh Irtysh Region", *Izvestiya NAN RK. Social Sciences Series*, iss. 1 (252), pp. 85–91. (In Russ.)

Stashenkov, D.A. 2020, *Ancient Hungarians and Their Environment in the Samara Volga Region. Catalogue of Archaeological Collections*. SOIKM named after P.V. Alabin, Samara, 120 p. (In Russ.)

Khalikova, E.A. 1976, "More-Tigansky Burial Ground", *Sovetskaya Arkheologiya*, no. 2, pp. 158–178. (In Russ.)

Chindina, L.A. 1977, *Relka Burial Ground on the Middle Ob*. TGU, Tomsk, 193 p. (In Russ.)

Erdely, I. 1986, "Archeology of Hungary VI–XI centuries", *Arkheologiya Vengrii. Konets II tysyacheletiya do n.e. – I tysyacheletie n.e. t. 2* ("Archaeology of Hungary. The End of the II Millennium BC – I Millennium AD. vol. 2"), Nauka, Moscow, pp. 310–346. (In Russ.)

Сведения об авторе

Наталья Петровна Матвеева, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет. Российская Федерация, г. Тюмень. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0240-0561

Information About the Author

Natalia P. Matveeva, Doctor of Historical Sciences, professor, Tyumen State University, Russian Federation, Tyumen. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0240-0561